

Фотія, *возстановляемыхъ* издателемъ изъ отрывковъ большихъ богословскихъ трактатовъ патріарха, его писемъ, схолиевъ и гномологій.

Проповѣдь такого выдающагося церковнаго оратора, какимъ является Фотій въ издаваемыхъ г. Аристархъ проповѣдяхъ, сохраняемыхъ въ рукописяхъ, всегда представляетъ нѣкоторое цѣльное художественное произведение, во всякомъ случаѣ всегда въ нихъ замѣчается послѣдовательность аргументаціи, отношеніе всѣхъ частей къ главной темѣ и т. п. Можно ли то же сказать о многихъ и многихъ изъ Словъ и проповѣдей, преподносимыхъ намъ, какъ таковыя, новымъ издателемъ на основаніи отрывковъ, скрывающихся въ его трактатахъ и письмахъ? Если нѣтъ, то имѣетъ ли значеніе такое часто натянутое сочетаніе отдѣльныхъ разбросанныхъ въ разныхъ произведеніяхъ отрывковъ подъ однимъ заглавіемъ Слова или Проповѣди? Издатель сдѣлалъ бы лучше, если бы на основаніи имѣющихся у него матеріаловъ подарилъ насъ новымъ полнымъ изданіемъ одного изъ большихъ трактатовъ Фотія, напр., Амфилохій, съ критическимъ аппаратомъ и такимъ образомъ къ тому богатому матеріалу для изученія языка и стиля Фотія, который содержится въ двухъ томахъ его изданія, прибавилъ еще новый. — Въ историческихъ и историко-литературныхъ соображеніяхъ по поводу отдѣльныхъ проповѣдей патріарха Фотія въ предисловіяхъ (въ особенности въ опредѣленіяхъ времени написанія) мы желали бы видѣть у автора болѣе осмотрительности и обоснованія.

Въ заключеніе спѣшимъ высказать, что новый издатель проповѣдей Фотія оказалъ своимъ изданіемъ большую услугу изученію произведеній этого выдающагося церковнаго и литературнаго дѣятеля Византіи. Онъ предпринялъ огромный и серьезный трудъ, выполненный имъ съ вниманіемъ и величайшею добросовѣстностью. Его тексты всегда напечатаны правильно и съ хорошимъ знаніемъ языка.

С. Шестаковъ.

2. БИБЛИОГРАФИЯ.

РОССІЯ.

А. С. Павловъ, *Курсъ церковнаго права. Посмертное изданіе подъ наблюденіемъ доцента московской духовной академіи И. Громогласова*. Святотроицкая Сергіева Лавра. 1902. Стр. 539. — Нельзя не привѣтствовать выхода въ свѣтъ «Курса церковнаго права» покойнаго профессора московскаго университета А. С. Павлова, ученыя заслуги котораго прекрасно извѣстны нашимъ читателямъ. Этотъ курсъ предварительно печатался, въ видѣ небольшихъ статей, въ «Богословскомъ Вѣстникѣ» за 1899 — 1902 годы, подъ наблюденіемъ доцента московской духовной академіи г. Громогласова, а теперь вышелъ и отдѣльнымъ изданіемъ, въ удовле-

твореніе желанія многочисленныхъ слушателей и почитателей незабвеннаго профессора и во исполненіе воли самого автора, который считалъ обработку курса для печати непремѣннымъ своимъ долгомъ предъ отечественной наукой, завершеніемъ своей сорокалѣтней профессорской дѣятельности, но не успѣлъ осуществить это свое намѣреніе. Въ основу курса издателемъ положены собственноручныя записи А. С. Павлова, содержащія почти все, напечатанное въ опубликованной книгѣ, и носящія на себѣ слѣды многочисленныхъ измѣненій, дополненій и поправокъ, наглядно свидѣтельствующихъ о многолѣтней непрерывной и внимательной работѣ покойнаго профессора надъ содержаніемъ и формой своихъ чтеній. Наиболѣе важнымъ дополненіемъ къ этому основному матеріалу для издателя служили литографированныя студенческія изданія курса и въ особенности послѣднее изъ нихъ, предварительно просмотрѣнное и тщательно исправленное самимъ покойнымъ профессоромъ. Эти изданія, въ общемъ значительно уступающія въ полнотѣ своего содержанія рукописному тексту, тѣмъ не менѣе дали нѣсколько (немногочисленныхъ, впрочемъ) дополненій къ нему и оказались особенно полезными при установленіи дѣленія на параграфы, не всегда строго выдержаннаго въ собственноручномъ оригиналѣ. Въ послѣднемъ отношеніи не безполезною оказалась и «Программа курса церковнаго законовѣдѣнія», напечатанная А. С. Павловымъ въ «Запискахъ Новороссійскаго Университета» (за 1874 г., т. XII). Сверхъ того, при провѣркѣ и окончательномъ установленіи текста издателемъ были приняты во вниманіе и печатные труды почившаго профессора,—когда содержаніе послѣднихъ близко соприкасалась съ тѣмъ или другимъ отдѣломъ курса. Но всѣ упомянутыя дополнительныя пособія, говоритъ издатель, играли лишь второстепенную роль, помогая восполнить замѣтный пробѣлъ, исправить очевидную неточность или ошибку основнаго текста, содержащагося въ рукописи автора. Такія дополненія и поправки, при крайней ихъ малочисленности, къ тому же настолько несущественны, что представлялось излишнимъ оговаривать ихъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Въ цѣломъ же, заключаетъ издатель, разсматриваемая книга съ возможной точностью воспроизводитъ курсъ А. С. Павлова въ томъ именно видѣ и составѣ, какой имѣеть этотъ многолѣтній трудъ въ посмертныхъ бумагахъ его незабвеннаго автора (предисловіе, стр. I—II).

«Курсъ церковнаго права» профессора Павлова состоитъ изъ введенія, обзора источниковъ церковнаго права и системы права. Во введеніи (стр. 1—35) дается понятіе о церкви и церковномъ правѣ, указываются названія церковнаго права, опредѣляется его характеръ и положеніе въ цѣлой системѣ права, указывается отношеніе науки церковнаго права къ наукамъ богословскимъ и юридическимъ, предлагается историческій очеркъ развитія науки церковнаго права вообще и церковнаго правовѣдѣнія Россіи въ частности, намѣчаются задача и методъ науки церковнаго права, опредѣляется значеніе науки церковнаго права въ системѣ

юридическаго образованія и представляется планъ курса у церковнаго плана.

Система церковнаго права, говорится въ послѣднемъ параграфѣ введенія, можетъ быть построена только изъ его собственныхъ источниковъ, поэтому необходимымъ подготовленіемъ къ ней долженъ служить обзоръ этихъ источниковъ. Слѣдующій отдѣлъ книги (стр. 36—189) и занятъ этимъ предметомъ. Здѣсь предварительно указываются виды источниковъ церковнаго права и ихъ относительная важность, причемъ авторъ располагаетъ ихъ въ такой послѣдовательности: божественное право церкви, какъ первооснованіе и критерій ея положительнаго права, законодательство, какъ источникъ церковнаго права, и обычное церковное право. Далѣе обзрѣвается исторія источниковъ церковнаго права раздѣленная на два отдѣленія, въ первомъ — исторія церковнаго права общаго, а во второмъ — русскаго. Исторія источниковъ общаго церковнаго права и ихъ практическаго употребленія въ православной греко-восточной церкви раздѣляется авторомъ на четыре періода. Первый періодъ простирается отъ начала христіанства до эпохи признанія его государственною религіею въ римской имперіи при Константинѣ Великомъ. Источниками церковнаго права въ этомъ періодѣ были: апостольскія писанія и преданія, отеческія преданія и обычаи, соборныя опредѣленія, каноническіе отвѣты (*responsa canonica*) или посланія (*epistolae canonicae*); изъ сборниковъ же источниковъ церковнаго права извѣстны: *Διδαχὴ τῶν δώδεκα Ἀποστόλων*, *Διατάξεις τῶν Ἀποστόλων* и *Κανόνες τῶν ἁγίων Ἀποστόλων*. Второй періодъ исторіи источниковъ церковнаго права общаго занимаетъ время отъ эпохи признанія христіанства государственною религіею до изданія номоканона патріарха Фотія. Это былъ самый блестящій періодъ развитія церковнаго права, — который по всей справедливости долженъ быть названъ періодомъ образованія обще-церковнаго или вселенскаго каноническаго кодекса. Въ этотъ періодъ церковь, покровительствуемая государствомъ, могла безпрепятственно заняться развитіемъ и устройствомъ своего внутренняго порядка и дисциплины. Главнымъ органомъ этого развитія были соборы — помѣстные и вселенскіе, дѣятельность коихъ выражалась въ правилахъ, имѣвшихъ значеніе источниковъ общаго церковнаго права. Наряду съ соборными правилами въ этотъ періодъ появилась огромная масса мѣстныхъ источниковъ, къ которымъ принадлежатъ: опредѣленія различныхъ провинціальныхъ соборовъ и каноническія посланія единоличныхъ церковныхъ авторитетовъ. Нѣкоторые изъ этихъ источниковъ получили общее признаніе на востокѣ, другіе — на западѣ. Затѣмъ, въ этомъ періодѣ источникомъ церковнаго права служили и гражданскіе законы, какъ результатъ союза церкви съ государствомъ. Законодательство христіанскихъ императоровъ въ отношеніи къ церкви имѣло нелегкую задачу — согласить церковный порядокъ съ гражданскимъ, который былъ еще проникнутъ языческимъ духомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ открыть возможно большой просторъ преобразующему

вліянію церкви на жизнь общества, воспитаннаго въ духѣ иной религіи. Сдѣланныя съ этою цѣлью законодательныя распоряженія вытекали изъ того принципа, что церковь и государство, какъ тѣло и душа, составляютъ одинъ организмъ и что между ними должно быть постоянное взаимодействіе для общаго блага. Вообще, въ первомъ періодѣ изъ церковныхъ и гражданскихъ источниковъ составилаcя весьма значительная масса церковно-правоваго матеріала, а вмѣстѣ съ тѣмъ оказалась потребность и въ составленіи специальныхъ сборниковъ, которые бы облегчили практическое употребленіе многочисленныхъ и разнообразныхъ источниковъ. Возникшіе въ этомъ періодѣ опыты кодификаціи источниковъ церковнаго права по своему содержанію раздѣляются на сборники чисто-каноническіе (обще-церковный каноническій кодексъ въ редакціяхъ греческой, римской и испанской, сборникъ Лжеисидора, сводъ церковныхъ правилъ Іоанна Схоластика и *Σύνταξις κληρικόν*), чисто гражданскіе (Сборникъ Схоластика, *Collectio institutionum ecclesiasticarum*) и смѣшаннаго содержанія или номоканоны (номоканонъ въ I титулахъ, номоканонъ въ XIV титулахъ и принадлежащая къ нему каноническая Синагма въ редакціи патріарха Фотія, каноническіе синопсисы и схолии, епитимейники или покаянные номоканоны восточные и западные). Третій періодъ исторіи общаго церковнаго права обнимаетъ время отъ изданія Фотіева номоканона до паденія византійской имперіи и характеризуется весьма замѣтнымъ упадкомъ въ его развитіи. Въ это время періодическіе соборы на востокѣ вовсе прекратились. Ихъ мѣсто заступилъ постоянный соборъ или синодъ (*σύνδος ἐκκλησιαστικὴ*) при кафедрѣ Константинопольскаго патріарха, который фактически сдѣлался теперь главой всей восточной церкви. Этотъ соборъ или синодъ патріаршій составлялъ послѣднюю инстанцію для рѣшенія вопросовъ церковно-судебной и административной практики, онъ же былъ главнымъ органомъ и церковнаго законодательства на востокѣ. Постановленія патріаршаго синода (*ψήφοι συνόδου*, *sententiae synodales*) и составляли въ третьемъ періодѣ главный практической источникъ церковнаго права. Затѣмъ, нерѣдко патріархъ и его синодъ давали отвѣты на вопросы, съ какими обращались къ нимъ провинціальныя епископы и другія лица въ разныхъ случаяхъ церковной практики, не предусмотрѣнныхъ въ источникахъ дѣйствующаго права. Нѣкоторые изъ нихъ (напримѣръ, отвѣтъ патріарха Николая Грамматика на вопросы афонскихъ монаховъ) получили общее признаніе и въ греческой и въ русской церкви. Наконецъ, отъ настоящаго періода сохранилась значительная масса каноническихъ отвѣтовъ и трактатовъ, принадлежащихъ отдѣльнымъ іерархическимъ и другимъ лицамъ (кизическаго митрополита Димитрія Синкелла, архіепископа болгарскаго Димитрія Хоматина и т. д.) и имѣющихъ теперь чисто историческое значеніе, какъ памятники церковной практики и канонической юриспруденціи своего времени. Что касается государственныхъ законовъ по дѣламъ церкви, то они попрежнему остаются весьма важнымъ источникомъ цер-

ковнаго права, такъ какъ отношеніе императорской власти къ церкви остались тѣже самыя, какія установились въ предыдущемъ періодѣ. Затѣмъ въ этомъ періодѣ появились толкованія на каноническій кодексъ, исполненныя Аристиномъ, Зонарой и Вальсамономъ съ цѣлью дать необходимое руководство для правильнаго пониманія и приложенія къ современной практикѣ древнихъ церковныхъ каноновъ. Наконецъ, этотъ періодъ вызвалъ появленіе алфавитной синтагмы Матвея Властаря и *Ἐπιστολὴ τῶν κληρικών* Константина Арменопула. Четвертый періодъ въ исторіи общаго церковнаго права простирается отъ завоеванія Константинополя въ 1453 году и до настоящаго времени. Источниками церковнаго права въ этомъ періодѣ служили постановленія и опредѣленія константинопольскихъ патріарховъ и ихъ синода. Для практическаго руководства къ познанію и примѣненію источниковъ церковнаго права въ этомъ періодѣ появились новыя руководства, болѣе приспособленныя къ современному состоянію этого права и къ общему уровню образованія тогдашняго греческаго духовенства (номоканонъ Мануила Малакса, покаянный номоканонъ или епитимейникъ и трактатъ о степеняхъ родства Мануила Ксаноянина). Наконецъ, въ этомъ періодѣ были сдѣланы новыя частныя и официальные изданія древняго каноническаго кодекса греческой церкви.

Во второмъ отдѣленіи обширнаго изслѣдованія объ источникахъ церковнаго права обозрѣвается исторія церковнаго права русскаго, причемъ авторъ сперва разсматриваетъ судьбу греческаго номоканона въ Россіи, а затѣмъ излагаетъ исторію источниковъ собственно-русскаго церковнаго права, раздѣляя ее на три періода. Первый періодъ—отъ начала христіанства на Руси до второй половины XV вѣка, когда были положены первооснованія русскаго церковнаго права, преимущественно внѣшняго, которымъ опредѣлялись своеобразныя отношенія нашей церкви къ гражданскому обществу и государству. Второй періодъ отъ второй половины XV вѣка до эпохи церковныхъ и государственныхъ преобразованій Петра Великаго, когда внѣшнія права и отношенія церкви опредѣляются хотя и на прежнихъ основаніяхъ, но уже съ болѣе точнымъ разграниченіемъ сферы церковной и государственной, и свѣтская власть пріобрѣтаетъ рѣшительное вліяніе не только на внѣшнія, но и на внутреннія дѣла и отношенія церкви. Въ третій періодъ—отъ эпохи церковныхъ преобразованій Петра Великаго до настоящаго времени—развилась вся система дѣйствующаго нынѣ особеннаго права русской церкви; этотъ періодъ характеризуется тѣмъ, что церковь, оставаясь вполнѣ свободною въ своей чисто-духовной сферѣ, въ тоже время по своему положенію въ области государственнаго права является только частію государственнаго устройства и управленія.

Что касается системы церковнаго права, занимающей бѣльшую половину курса профессора Павлова (стр. 190—539), то она раздѣляется на три части слѣдующаго содержанія. Въ первой части рѣчь идетъ о цер-

ковномъ управленіи, причѣмъ въ первомъ отдѣленіи говорится о личномъ составѣ церковнаго общества (клиръ или іерархія, монашество и міряне), а во второмъ — о церковномъ правительствѣ (епархіальные епископы или архіереи, органы высшаго управленія въ помѣстныхъ автокефальныхъ церквахъ [епископы съ высшей административной властью, повременныя и постоянныя соборы], строй высшаго управленія въ православной русской церкви и устройство церкви римско-католической, евангелическо-лютеранской и армяно-грегоріанской по ихъ уставамъ, внесеннымъ въ сводъ законовъ Россійской имперіи, взаимныя отношенія помѣстныхъ автокефальныхъ церквей и способы ихъ общенія). Во второй части рѣчь идетъ о церковномъ управленіи, которое проявляется: въ правѣхъ религіознаго ученія (potestas magisterii), въ правѣхъ религіознаго освященія (potestas ministerii), въ правѣхъ церковнаго управленія и суда (potestas jurisdictionis), выражающемся въ частности—въ церковномъ судѣ по дѣламъ тяжбы (jurisdictio contentiosa) и въ церковно-криминальномъ судѣ (jurisdictio criminalis), при особомъ судоустройствѣ и судопроизводствѣ, и, наконецъ,—въ имущественномъ правѣ церкви. Въ третьей части говорится о внѣшнемъ правѣ церкви, причѣмъ въ первомъ отдѣленіи рѣчь идетъ о церкви въ ея отношеніи къ государству, а во второмъ— о церкви въ ея отношеніи къ непринадлежащимъ ей христіанскимъ обществамъ.

Таково, въ общихъ чертахъ, содержаніе «Курса церковнаго права» профессора А. С. Павлова. Объ этомъ трудѣ по всей справедливости слѣдуетъ сказать, что онъ составляетъ весьма цѣнный вкладъ въ небогатую русскую литературу церковнаго права.

Извѣстія Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ. Томъ VII. Выпускъ 1-й. Софія. 1901. Выпуски 2 и 3-й. Софія. 1902. Стр. 250.

1. **Ө. И. Успенскій**, *О древностяхъ города Тырнова* (стр. 1—24). Академикъ Ө. И. Успенскій сообщаетъ здѣсь результаты своихъ ученыхъ изысканій о памятникахъ Тырнова, произведенныхъ во время двукратной поѣздки (въ 1899 и 1900 годахъ) въ эту древнюю столицу болгарскаго царства. Прежде всего, здѣсь рѣчь идетъ о церкви «Святыхъ Четырехдесяти» или 40 мучениковъ, которая занимаетъ первое мѣсто между тырновскими археологическими памятниками, такъ какъ представляетъ одинъ изъ подлинныхъ памятниковъ тырновскаго царства и сохранила въ себѣ памятники староболгарской, т. е. дохристіанской эпохи. Церковь построена въ 1230 году царемъ Іоанномъ Асѣнемъ II, въ память счастливой для болгаръ битвы при Клокотницѣ, и была, такъ сказать, семейной церковью Асѣней и мѣстомъ ихъ погребенія. Во время турецкаго господства она была обращена въ мечеть, причѣмъ вся роспись была замазана штукатуркой и частью попорчена, но въ 1878 году церковь вновь перешла къ христіанамъ. Важнѣйшими памятниками въ храмѣ сорока-мучениковъ нужно считать три колонны съ весьма важными историческими надпи-

сями и роспись храма съ славянскими надписями. На одной колоннѣ изъ темнаго гранита находится знаменитая надпись Омортага, изданная первоначально въ «Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей» (1859, кн. 2). Θ. И. Успенскій предлагаетъ слѣдующее ея чтеніе: Κανὰς Ὑβριγῆ Ὀμορτάγ. εἰς τὸν παλαιὸν οἶκον αὐτοῦ μένων ἐποίησεν ὑπέρφημον οἶκον εἰς τὸν Δανούβην καὶ ἀνὰ μέσα τῶν δύο οἴκων τὸν πάμφημον. Καταμετρήσας εἰς τὴν μέσην ἐποίησα τοῦμβαν καὶ ἀπὸ τὴν αὐτὴν μέσην τῆς τοῦμβας ἕως τὴν αὐλὴν μου τὴν ἀρχαίαν εἰσὶν ὄργυιαὶ μυριάδες β', καὶ ἐπὶ τὸν Δανούβην εἰσὶν ὄργυιαὶ μυριάδες β'. τὸ δὲ αὐτὸ τοῦβιν ἐστὶν πάμφημον. Μετρήσαντες τὴν γῆν ἐποίησε τὰ γράμματα ταῦτα. Ὁ ἄνθρωπος καὶ καλὰ ζῶν ἀποθνήσκει καὶ ἄλλος γενᾶται καὶ ἵνα ὁ ἔσχατος γενώμενος ταῦτα θεορῶν ὑπομνήσκηται τὸν ποιήσαντα αὐτό. Τὸ δὲ ὄνομα τοῦ ἄρχοντος ἐστὶν Ὀμορτάγ Κανὰς Ὑβριγῆ. Θεὸς ἀξιῶσθαι αὐτὸν ζῆσαι ἔτη ρ'. Чтеніе надписи не возбуждаетъ затрудненій. Старый дворець или старый ауль долженъ быть, вѣроятно, среди староболгарскихъ владѣній на Балканскомъ полуостровѣ, т. е. на мѣстѣ раскопаннаго Русскимъ Археологическимъ Институтомъ стараго поселенія близъ деревни Аобы. Отъ него въ 40 верстахъ къ сѣверу должно искать тумву или насыпь, гдѣ былъ памфимъ, и въ 40 верстахъ отъ этого послѣдняго предполагается дворець на Дунаѣ. При этомъ, слово τουβί, которое прочтено какъ τουβιν, по мнѣнію Θ. И. Успенскаго, соотвѣтствуетъ по своему смыслу слову πάμφημον: τὸ δὲ αὐτὸ τουβί ἐστὶν πάμφημον. Отсюда, памфимъ есть насыпь или тумба. На другой колоннѣ, перевернутой низомъ вверхъ, находится надпись изъ двухъ словъ

ΚΑΣΤΡΟΝ | ΡΕΔΕΣΤΩ. Надпись относится къ особому разряду староболгарскихъ надписей съ именами городовъ (κάστρα) и первоначально находилась въ мѣстности близъ нынѣшней деревни Аобы, гдѣ открыто нѣсколько другихъ колоннъ съ именами городовъ. Палеографическіе признаки показываютъ, что надпись относится къ X вѣку. Особеннаго вниманія заслуживаетъ колонна съ надписью царя Іоанна Асѣня (въ 13 строкъ), увѣковѣчившая фактъ громадной важности въ исторіи Болгаріи, именно побѣду надъ эфирскимъ деспотомъ Θεодоромъ въ 1230 году, которая открыла Асѣню Адрианополь, Македонію и Албанію. Въ надписи, между прочимъ, сказано, что храмъ былъ украшенъ живописью въ честь святыхъ Сорока Мучениковъ, съ помощью которыхъ «я пошелъ, говорить царь, войной на Романію, разбилъ греческое войско и взялъ въ плѣнъ самого царя киръ Тодора-Комнина со всѣми его болгарями». Палеографическія особенности этой надписи въ высшей степени характерны и приводятъ къ убѣжденію, что надпись воспроизводитъ рисунокъ, составленный по правиламъ каллиграфіи, коихъ рѣзчикъ и придерживался. Изученіе особенностей палеографіи на колоннѣ, въ связи съ славянскими надписями на стѣнахъ, привело Θ. И. Успенскаго къ заключенію, что всѣ славянскія надписи въ храмѣ сдѣланы однимъ и тѣмъ же мастеромъ въ первой половинѣ XIII столѣтія. Сохранилось

даже и имя писца: *лѣтъ Драганъ писа*. Далѣе Ѳ. И. Успенскій подробно знакомитъ читателей съ фресками храма Сорока Мучениковъ, сохранившимися главнымъ образомъ въ притворѣ, и съ особенностями начертанія буквъ какъ въ подписяхъ надъ фресками, такъ и въ надписи Іоанна Асѣня, а въ заключеніи говоритъ, что храмъ Сорока Мучениковъ представляетъ подлинный памятникъ эпохи тырновскаго царства и въ этомъ качествѣ заслуживаетъ тщательнаго вниманія, прежде всего, со стороны болгарскаго правительства. Другой историческій храмъ Тырнова есть нынѣшняя митрополія во имя апостоловъ Петра и Павла, въ коей сохранились росписи, между прочимъ, вселенскихъ соборовъ. На основаніи различныхъ данныхъ академикъ Успенскій пришелъ къ выводу, что постройка этого храма и роспись вселенскихъ соборовъ относятся къ XVI вѣку, а внѣшній притворъ и нѣкоторыя дополнительныя работы въ алтарѣ возникли въ болѣе позднее время. Изъ другихъ храмовъ Тырнова и окрестностей въ статьѣ отмѣчаются: св. Димитрія Солунскаго въ Дольней Махалѣ, близъ митрополіи, св. Георгія въ нижнемъ городѣ, Рождество Христова, св. Димитрія и святыхъ Архангеловъ въ Арбанаси; во всѣхъ этихъ церквахъ сохранились немногія надписи и росписи. Кромѣ церквей, въ Тырновѣ имѣютъ археологическое значеніе холмы Гиссаръ и Трапезица; окруженные рѣкой Янтрой и обнесенные въ средніе вѣка стѣнами и башнями, эти два холма и составляли мѣсто расположенія стараго Тырнова. Здѣсь были дворцы и палаты тырновскихъ царей и ихъ вельможъ, находились государственныя учрежденія и церкви. Въ настоящее время холмъ совершенно необитаемъ и покрытъ развалинами прежнихъ зданій. Археологическая наука была въ правѣ рассчитывать на важное значеніе этихъ холмовъ. Къ сожалѣнію, въ 1900 году здѣсь были произведены (г. Сеурѳомъ) крайне неудачныя раскопки, безъ системы и плана, безъ пониманія техники этого дѣла, какъ будто бы съ цѣлью отыскиванія какихъ-либо предметовъ. Можно отъ души пожалѣть, что тырновскія древности не остаются больше подъ землей.

2. **Г. Ильинскій**, *Грамота царя Іоанна Асѣня II* (стр. 25—39).—Въ библіотекѣ Императорской Академіи Наукъ хранится памятникъ южно-славянскои старины, имѣющій высокую филологическую и историческую важность. Это торговый договоръ знаменитаго болгарскаго царя Іоанна Асѣня II (1218—1241) съ Дубровницкой республикой. Грамота неоднократно издавалась (Шафарикомъ, Срезневскимъ, Палаузовымъ, Раковскимъ и Миклошичемъ), но всегда болѣе или менѣе неудачно. Г. Ильинскій въ отмѣченной статьѣ помѣщаетъ текстъ грамоты и примѣчанія къ нему, указываетъ палеографическія и лингвистическія особенности грамоты, опредѣляетъ историческое значеніе (грамота даетъ возможность довольно точно возстановить политическія границы болгарскаго царства эпохи его втораго расцвѣта и составить понятіе о его областномъ дѣленіи) и помѣщаетъ словоуказатель.

3. **Б. Панченко**, *Βασιλικὸς πιστικὸς* (стр. 40—55).—Въ коллекціи Рус-

скаго Института въ Константинополѣ находятся три молвдовула съ малоизвѣстнымъ терминомъ *Βασίλειος πιστιός*, который и выясняется г. Панченко на основаніи Василикѣ, Синопсиса, Патмосскихъ документовъ и житій святыхъ. Этотъ терминъ, по мнѣнію автора, взятъ изъ греческаго коммерческаго обихода и соотвѣтствуетъ термину *magister navis*.

4. **J. Pargoire**, *Les monastères de saint Ignace et les cinq plus petits îlots de l'archipel des Princes* (стр. 56 — 91). — Статья раздѣляется на три главы. Въ первой рѣчь идетъ о монастыряхъ константинопольскаго патріарха Игнатія на островахъ *Πλάτη*, *Υάτρος* и *Τερέβινθος*, принадлежащихъ къ группѣ острововъ Принцевыхъ, во второй главѣ говорится о монастырѣ Великаго Архистратига, основанномъ патріархомъ Игнатіемъ на материкѣ, а въ третьей рассказывается о монашеской жизни на островахъ *Πύττα* и *Ὁξεία* въ византийскую эпоху.

5. **Θ. И. Успенскій**, *Археологическіе памятники Сиріи* (стр. 94—212). — Съ большимъ интересомъ читается прекрасное сообщеніе Θ. И. Успенскаго объ археологическихъ памятникахъ Сиріи, составленное на основаніи непосредственнаго ихъ изученія во время путешествія въ 1900 году. Почтенный ученый съ большимъ мастерствомъ описываетъ развалины мѣстныхъ церквей и монастырей, домовъ и водопроводовъ, по поводу коихъ представляетъ любопытныя историческія справки, приводитъ текстъ открытыхъ имъ греческихъ надписей, говоритъ о фрескахъ, иконахъ и скульптурныхъ произведеніяхъ и вообще корреспондируетъ разнообразный и интересный археологическій матеріалъ. Въ сообщеніи обзрѣваются, въ археологическомъ отношеніи, слѣдующіе города и села Сиріи: Бальбекъ (Геліополь), Дамаскъ, Сейдная, Маалула (Маглула), Ябрудъ, Небкъ, Кара, Гауаринъ, Маннъ, Каріатеинъ, Пальмира, Сададъ, Гомсъ (Эмеса), Эль-Рестанъ (Аретуза), Гама (Епифанія), Калатъ-Седжеръ (Ларисса), Калатъ-Мудикъ (Ашамея), Гассъ, Муджедея, Бетурса, Серджила, Эль-Бара, Деиръ-Санбилъ, Рувейха, Алеппо, Бофертинъ, монастырь св. Симеона Столпника (Калатъ-Семанъ), Деиръ-Семанъ, Шейхъ-Баракатъ, Катура, Рефаді, Тызре, Ассе (Артесія), Дана, Сармеда, Касръ-эль-Бенатъ, Гаримъ и Антиохія. Въ краткой библиографической замѣткѣ нѣтъ возможности исчерпать богатое содержаніе превосходной работы академика Успенскаго. Отсылая читателей къ самому оригиналу, представимъ здѣсь общій взглядъ на результаты научныхъ изысканій почтеннаго ученаго въ области археологическихъ памятниковъ Сиріи, какъ они и представляются въ заключеніи сообщенія. Памятники Сиріи не составляютъ большой новинки послѣ книги de Vogüé (*Syrie centrale*. Paris. 1865—1877). Послѣ Вогюэ Сирію посѣщали вновь и не разъ и французскіе, и нѣмецкіе, и американскіе ученые. Каждая вновь отправленная въ Сирію миссія находитъ тамъ новые предметы, имѣющіе важный научный интересъ: уже это одно служитъ доказательствомъ того, сколь обширны и неистощимы археологическія богатства этой страны. Можно думать, что Сирія и еще выиграетъ съ точки зрѣнія археологій, если съ изслѣдо-

ваніями соединятся раскопки, и если въ поле изученія войдутъ и ея мертвые города. Общій характеръ сирійскихъ памятниковъ есть ихъ оригинальность, который указываетъ на культуру особенную, на произведеніе духа восточныхъ народовъ. Съ точки зрѣнія всемірной исторіи сирійскіе памятники даютъ своей оригинальностью очень интересный и свѣжій фактъ, подготовляющій, на ряду съ другими подобными, раскрытіе проблемы объ элементахъ, входящихъ въ образованіе византизма. Монументальные сирійскіе памятники должны быть поставлены рядомъ съ произведеніями литературы и искусства. Литературные памятники, дѣлающіеся извѣстными въ послѣдніе годы, бросаютъ новый взглядъ на событія V и VI вѣковъ. Духовное развитіе Сиріи въ роковую эпоху для западно-европейскаго міра показываетъ многочисленные примѣры высokaго подъема и напряженности. Стоитъ припомнить, какъ много сирійцы участвовали въ разработкѣ тонкихъ и важныхъ догматическихъ вопросовъ, какъ многообразна была литературная производительность въ V и VI вѣкахъ на сирійскомъ языкѣ и какъ распространенъ былъ на востокѣ сирійскій Законникъ. Не менѣе того монофиситское движеніе и всѣ вопросы, поднятые вслѣдствіе Халкидонскаго собора, свидѣтельствуютъ о сильномъ національномъ чувствѣ, отзывчивости и глубокомъ интересѣ къ требованіямъ совѣсти и вѣрованіямъ. Остатки мертвыхъ городовъ съ чрезвычайно выразительнымъ религіознымъ характеромъ склада жизни внушаютъ мысль, что Сирія была глубоко проникнута вѣроисповѣдной идеей, и что многочисленнымъ сирійскимъ монастырямъ вполне соотвѣтствуютъ остатки церквей въ мертвыхъ городахъ и селеніяхъ, въ небольшомъ разстояніи другъ отъ друга (стр. 206—7).

Къ статьѣ «Археологическіе памятники Сиріи» приложено сорокъ семь таблицъ различныхъ снимковъ. Такія же таблицы имѣются и въ приложеніи къ первой статьѣ О. И. Успенскаго (числомъ 13), а также къ статьямъ г. Ильинскаго и г. Панченко (по одной таблицѣ).

6. *Отчетъ* Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ за 1900 годъ (стр. 203 — 244). См. Византійскій Временникъ, т. VIII стр. 677—687.

7. *Личный составъ* Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ (стр. 245—250).

Иеромонахъ Феодоръ Поздѣвскій, Аскетическія воззрѣнія преподобнаго Іоанна Кассіана Римлянина, пресвитера масилійскаго. Казань, 1902. Стр. 334. — Отмѣчаемъ эту книгу въ виду того, что авторъ выясняетъ и характеризуетъ аскетическія воззрѣнія Іоанна Кассіана (+435 г.) въ связи съ восточными аскетическими идеалами, такъ какъ препод. Кассіанъ въ молодости жилъ въ Палестинѣ, въ вилеемскомъ монастырѣ, путешествовалъ по египетскимъ монастырямъ, былъ ученикомъ знаменитаго учителя нравственности и аскезиса на востокѣ, св. Іоанна Златоустаго, и такимъ образомъ имѣлъ возможность ознакомиться съ ученіемъ восточныхъ подвижниковъ. Трудъ и заслуга Іоанна Кассіана состояли

въ томъ, что онъ, дѣятельно усвоивъ подвижническую жизнь востока, представилъ въ своихъ сочиненіяхъ, на пользу монашества западнаго, опытъ аскетики въ духѣ воззрѣній и идеаловъ, выработанныхъ на востокѣ представителями подвижничества IV вѣка, и путемъ личнаго примѣра и устройства монастырей содѣйствовалъ аскетическому общенію востока съ западомъ. Авторъ разсматриваетъ предметъ въ четырехъ главахъ, предваря ихъ введеніемъ, въ коемъ изложена біографія преподобнаго Іоанна Кассіана и указаны его литературные труды, и заключающая общими сужденіями объ аскетизмѣ Кассіана, его источникахъ и характерныхъ чертахъ.

А. Спасскій. *Вопросъ о подлинности правилъ Сардикійскаго собора (343 г.) въ современной западной литературѣ* (Богословскій Вѣстникъ, 1902, іюнь, стр. 345 — 383).— Въ ряду историческихъ документовъ, какіе приводятся католическими богословами въ защиту папскаго главенства, особенно важное значеніе приписываются третьему, четвертому и пятому правиламъ Сардикійскаго собора 343 года. Но въ 1901 году мюнхенскій профессоръ І. Фридрихъ въ особомъ докладѣ, представленномъ въ мюнхенскую академію наукъ и потомъ вышедшемъ отдѣльной брошюрой (*Die Unächtheit der Canones von Sardica. Separat-Abdruck aus d. Sitzungsberichten d. philos.-philol. und d. histor. Classe d. kgl. bayer. Akademie der Wissenschaften*, 1901, III, München), на основаніи анализа текста, содержанія и историческаго преданія о сардикійскихъ правилахъ провелъ ту мысль, что соборъ 343 года никакихъ правилъ не составлялъ, что правила, извѣстные подъ именемъ сардикійскихъ, представляютъ поддѣлку, вышедшую изъ канцеляріи папы Иннокентія (401—417 г.) и возникшую около 416—417. Тезисъ, столь рѣзко высказанный Фридрихомъ и снабженный солидными научными доводами, встрѣтилъ сильный научный отпоръ въ обстоятельной статьѣ Turner'a — «*The genuineness of the Sardican canon*» (*The Journal of the theological studies*, 1902, April, 370—397). Проф. Спасскій въ своей статьѣ сперва излагаетъ аргументацію Фридриха противъ подлинности сардикійскихъ правилъ, затѣмъ разсматриваетъ доводы въ защиту ихъ со стороны Тэрнера, а въ заключеніе критически обзрѣваетъ научныя разсужденія обонхъ западныхъ ученыхъ, представляя предметъ въ слѣдующемъ видѣ. Сардикійскій соборъ 343 года издалъ рядъ правилъ касательно благоустройства разныхъ сторонъ современной церковной жизни, но въ подлинномъ экземплярѣ этихъ правилъ не было третьяго, четвертаго и пятаго теперешнихъ постановленій. Въ тѣхъ историческихъ условіяхъ, при какихъ происходила дѣятельность Сардикійскаго собора, его правила не могли проникнуть на востокъ, но и на западѣ они едва ли распространились въ сколько-нибудь значительномъ количествѣ списковъ. Даже такой видный епископъ запада, какъ Гратъ, предтоятель всей африканской церкви, черезъ три или пять лѣтъ послѣ собора въ Сардикѣ, пользуется его правилами по памяти, а не на основаніи копій. Вѣроятно, что правила Сардикійскаго собора очень рано были присоединены къ

никейскимъ: на западѣ смотрѣли на соборъ въ Сардикѣ, какъ на второй никейскій, но только западный, да и самъ соборъ своей задачей поставлялъ именно возобновленіе дѣла никейскихъ отцевъ; къ тому же и правила, изданныя имъ, во многихъ случаяхъ были лишь распространеніемъ правилъ никейскихъ. Неизвѣстно, въ какое время, но не позже 417 года въ экземплярѣ этихъ правилъ, находившемся въ Римѣ, сдѣлана была вставка теперешнихъ III—V правилъ, основанная на рескриптѣ Граціана 380 г. и имѣвшая своей цѣлью постановленія этого рескрипта, касавшіяся лишь западной церкви, распространить на всю церковь и подтвердить авторитетомъ вселенскаго собора. Нѣтъ надобности думать, что такая интерполяція произведена была при участіи или съ вѣдома папы; подлоги вовсе не представляли рѣдкаго явленія въ древней церкви, всегда могъ найтись энтузіастъ съ ложной ревностью о благѣ церкви и Рима, способный совершить подобный поступокъ въ полной увѣренности, что все имъ сдѣланное послужитъ только *ad maiorem gloriam Dei*. Папы начали пользоваться этимъ дополненнымъ спискомъ съ 417 года. Изъ канцеляріи папъ, а затѣмъ при посредствѣ актовъ карфагенскаго собора 419 года, стяжавшихъ себѣ большую популярность на западѣ, копіи этого списка распространились постепенно по всѣмъ западнымъ церквамъ и были переведены на греческій языкъ не ранѣе первой половины VI вѣка. Г. Спасскій не разъ оговаривается въ своей статьѣ, что онъ не имѣетъ въ виду давать какого-либо окончательнаго рѣшенія поднятаго западными учеными спора.

А. П. Лебедевъ, *Способы образованія духовенства и интеллектуальное состояніе его во II и III вѣкахъ* (Богословскій Вѣстникъ, 1902, іюнь стр. 238—270). — Трактую избранный предметъ, профессоръ Лебедевъ съ особою обстоятельностью говоритъ объ александрійскомъ огласительномъ училищѣ.

Ἄ. Παπαδόπουλος-Κερραμεύς, *Διορθωτικὰ εἰς χριστιανικὰς ἐπιγραφάς* (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1902, сентябрь, Отдѣлъ классической филологіи, стр. 411—443).—Въ статьѣ предложенъ рядъ поправокъ къ чтенію эпиграфическаго матеріала, опубликованнаго въ различныхъ изданіяхъ (*Journal of Hell. Studies*, 1897, t. 17, 1898, t. 18; *Ἀθηνᾶ* 1899, t. 11; J. R. Sitlington Sterret, *An epigraphical journey in Asia Minor*, Boston, 1888; Schlumberger, *Sigillographie* и т. д.).

И. Соколовъ, *Валсамонъ Θεόδωρ* (Православная богословская энциклопедія, издаваемая подъ редакціей профессора А. П. Лопухина. Томъ III, ст. 115—119. Спб. 1902). — Изложена жизнь и литературная дѣятельность. 2) *Варлаамъ и варлаамиты* (тамъ же, ст. 149—157).—Описываются варлаамитскіе споры и указывается ихъ значеніе въ монашеской жизни Византіи. 3) *Василій I и Василій II*, патріархи константинопольскіе (тамъ же, ст. 207—209). 4) *Византія* (тамъ же, ст. 347—433). — Статья раздѣляется на три отдѣла: византійское государство, византійская церковь и византійская литература, въ ихъ историческомъ развитіи. 5) *Византи-*

низмъ (ст. 433—440). — Историко-философскій анализъ этого научнаго термина. 6) *Векъ Іоаннь*, патріархъ константинопольскій, его общественная литературная дѣятельность (тамъ же, ст. 260—266). 7) *Влеммидъ Никифоръ*, его общественная и литературная дѣятельность (тамъ же, ст. 650—657). 8) *Врѣнный Никифоръ* (тамъ же, ст. 1037—1040). — Обзоръ его литературной и общественной дѣятельности.

А. Кирпичниковъ, *Аѳинскій великій синаксарь, какъ цѣнный археологическій и историческій источникъ* (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1902, октябрь, стр. 354—368). — Рѣчь идетъ о книгѣ *Μέγας Συναξαριστής* въ 12-ти томахъ, изданной Константиномъ Дукаки и имѣющей важное археологическое и историческое значеніе, какъ авторъ статьи и показываетъ на извлеченныхъ имъ изъ изданія примѣрахъ.

А. Виноградовъ, *Святый Андрей, архіепископъ критскій. Агіологическій очеркъ* (Христіанское Чтеніе, 1902, февраль, стр. 247—269). — Въ статьѣ предложено жизнеописаніе св. Андрея Критскаго, на основаніи синаксаря греческихъ (и славянскихъ) богослужебныхъ книгъ, хроники Теофана, твореній самого Андрея, пѣснопѣній, въ честь его составленныхъ для церковно-богослужебнаго употребленія, и нѣкоторыхъ другихъ литературно-историческихъ указаній. По изслѣдованію автора, св. Андрей родился приблизительно въ 30—40 годахъ VII вѣка (635—645), а умеръ приблизительно въ 726—27 году. Родомъ онъ былъ изъ Дамаска, откуда въ молодости переселился въ Іерусалимъ въ лавру Саввы Освященнаго, гдѣ и закончилъ свое церковно-богословское образованіе. Въ 680 году онъ былъ отправленъ въ Константинополь на шестой вселенскій соборъ, въ качествѣ секретаря при замѣстителѣ патріаршаго престола въ Іерусалимѣ. По окончаніи собора, Андрей былъ принятъ въ клиръ великой константинопольской церкви, посвященъ въ санъ діакона и сдѣланъ орфанотрофомъ. Не позднѣе 685 года онъ былъ уже святителемъ на островѣ Критѣ, но какой именно кафедрой «двѣнадцатипрестольнаго Крита» неизвѣстно; въ 712 году онъ получилъ здѣсь митрополичью—гортинскую кафедру, послѣ того какъ подписалъ, по требованію императора Филиппика Вардана, моноелитскіе акты собора этого года, направленные противъ шестаго вселенскаго собора. Но это было сдѣлано св. Андреемъ, какъ и другими іерархами, во имя принципа экономіи (*οἰκονομία*), въ воззрѣніяхъ же своихъ святой отецъ всегда былъ вѣренъ ученію православной церкви, какъ это видно изъ его твореній, особенно гомилетическаго характера. Скончался онъ въ глубокой старости въ Іерисѣ на островѣ Митилинѣ, отправившись по церковнымъ дѣламъ своей епархіи въ Константинополь. Въ мартирологахъ западной церкви имени св. Андрея нѣтъ.

С. Эверлингъ, *Новые отрывки евангельскаго текста* (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1902, апрѣль, стр. 321—333, июль, стр. 84—100). — Рѣчь идетъ о коптскомъ памятникѣ съ отрывками евангельскаго текста, приобрѣтенномъ въ 1899 году въ Египтѣ профессорами Рейценштейномъ и Шпигельбергомъ для бібліотеки Страсбургскаго уни-

верситета. Въ статьѣ помѣщенъ подлинный текстъ памятника съ точнымъ его переводомъ съ нѣмецкаго языка и разсматривается комментарій ученаго Якоби (*Ein neues Evangelienfragment. Strassburg. 1900*).

М. Попруженко, *Матеріалы для бібліографіи по Кирилло-меоодіевскому вопросу* (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1902, май, стр. 87 — 125). — Въ статьѣ помѣщены замѣтки о различныхъ сочиненіяхъ, относящихся къ кирилло-меоодіевскому вопросу, русскихъ и иностранныхъ.

А. Дмитріевскій, *Книга «Требникъ» и ея значеніе въ жизни православнаго христіанина. По поводу новѣйшихъ воззрѣній на эту книгу* (Труды Кіевской Духовной Академіи, 1902, мартъ, стр. 383—421). — Въ статьѣ, представляющей популярное чтеніе, предложенное въ собраніи Кіевского релігіозно-просвѣтительнаго общества, имѣются и историческія свѣдѣнія о богослужебной книгѣ «Требникъ».

М. Холмогоровъ, *Ученіе святаго Іоанна Дамаскина объ иконопочитаніи* (Православный Собесѣдникъ, 1902, февраль, приложение, стр. 1 — 18). — Излагается ученіе св. Іоанна Дамаскина объ иконопочитаніи, на основаніи трехъ его «словъ» объ этомъ предметѣ, при чемъ авторъ цитируетъ творенія святаго отца по русскому ихъ переводу (Спб. 1893).

М. Попруженко, *Очерки по исторіи возрожденія болгарскаго народа* (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1902, ноябрь, стр. 1—34). — Разумѣется вырожденіе новѣйшее, въ XVIII—XIX вѣкахъ, развившееся и въ просвѣтительномъ движеніи. Авторъ пока ведетъ рѣчь о переводахъ Новаго Завѣта на болгарскій языкъ и ихъ изданіяхъ и о первоначальныхъ школьныхъ руководствахъ у болгаръ этого времени.

Л. Мсеріанцъ, *Армянскіе источники о смутномъ времени* (тамъ же, стр. 35 — 45). — Въ статьѣ помѣщены, въ русскомъ переводѣ, извѣстія о смутномъ времени русской исторіи, извлеченныя изъ сочиненія на армянскомъ языкѣ Августина Баджеци, проѣзжавшаго чрезъ Московію въ 1609 году, и изъ армянской «Лѣтописи Каменца», т. е. Каменецъ-Подольска, а къ каждому изъ этихъ источниковъ предложены prolegomena о происхожденіи источниковъ.

Д. Введенскій, *Эней Газскій и его сочиненіе «Θεοφραστὴς или о безсмертіи души и воскресеніи»*. Историко-догматическій этюдъ (Православный Собесѣдникъ, 1902, апрѣль, приложение, стр. 1—18). — Эней Газскій жилъ въ V вѣкѣ, сначала принадлежалъ къ школѣ неоплатониковъ, а потомъ сдѣлался христіанскимъ философомъ. Его сочиненіе «Θεοφραστὴς» имѣетъ глубокой богословскій интересъ. Въ немъ, вмѣстѣ съ основательнымъ раскрытіемъ догматовъ безсмертія души человѣческой и будущаго воскресенія, излагаются мнѣнія по этимъ вопросамъ древнихъ философовъ и разбирается весьма распространенная въ древнее время теорія душепереселенія. Въ связи съ догматомъ безсмертія души и воскресенія тѣлъ въ сочиненіи излагается христіанское ученіе о происхожденіи міра видимаго и невидимаго, промышленности о немъ Творца, съ опроверженіемъ нѣ-

которыхъ языческихъ и философскихъ мнѣній по этимъ вопросамъ. Произведение Энея имѣетъ форму діалога. Бесѣду ведутъ афинскій мудрецъ Теофрастъ, представитель Платоновой философіи, христіанскій философъ— сиріянинъ Аксиоэй и александріецъ Египтъ. Для раскрытія своихъ мыслей Эней, вмѣстѣ съ діалектической аргументаціей, пользуется сравненіями, аллегоріями, изреченіями древнихъ философовъ и преданіями. «Теофрастъ» раздѣляется на двѣ части: въ первой, по преимуществу полемическаго характера, разбирается теорія предсуществованія и переселенія душъ, которая исключаетъ христіанскій догматъ воскресенія тѣлъ, а во второй, положительной части, излагается христіанское ученіе о происхожденіи міра и души человѣческой, ея безсмертіи и будущемъ воскресеніи. Въ статьѣ г. Введенскаго обстоятельно и излагается содержаніе «Теофраста».

Іеромонахъ Михаилъ, *Двѣ системы отношеній государства къ церкви. Римское и византійско-славянское пониманіе принципа отношеній церкви къ государству*. (Православный Собесѣдникъ, 1902, іюль — августъ, стр. 26—46). — Авторъ характеризуетъ двѣ системы отношенія государства къ церкви, какія знаетъ Византія, именно римскую и византійско-славянскую. Исторія Византіи, пишетъ авторъ, всегда представлялась, какъ борьба римскаго духа съ еллино-славянскимъ, Юстиніановскаго пониманія принципа церкви съ византійскимъ. Систему отношенія церкви къ государству по законодательству Юстиніана обыкновенно характеризуютъ въ такихъ чертахъ. Юстиніанъ ввелъ церковь въ союзъ съ государствомъ. Государство, по его мнѣнію, должно принять церковный законъ, какъ свой законъ, сдѣлаться христіанскимъ, поставить своей задачей реализовать и воплотить ученіе христіанства, которое и должно быть основой государства. Юстиніанъ возвелъ епископовъ на небывалую высоту, далъ строгій характеръ неприкосновенности церковной собственности и т. д. По мнѣнію автора, въ этой характеристикѣ не сказано самое существенное. Юстиніанъ принялъ церковь въ союзъ съ государствомъ, но вѣдь союзъ не есть единеніе. Союзъ возможенъ между двумя учрежденіями, но церковь не учрежденіе, и союзъ или конкордатъ церкви и государства есть католическая прелесть. Притомъ, Юстиніанъ призналъ равноправное положеніе двухъ властей, духовной и свѣтской, *въ государствѣ*. Въ этомъ и заключается все зло юстиніановской системы Юстиніанъ не могъ понять сущности основнаго принципа церкви, не могъ оцѣнить превосходства «правды» церковной предъ «справедливостью» (justitia) государства и, всецѣло преклоняясь предъ civitas et res publica, подошелъ къ церкви съ мѣркой совершенно неподходящей. Ему казались совершенными тѣ формы организаціи, какія онъ увидѣлъ въ государствѣ, — твердыя, принудительныя, карающія за невниманіе къ нимъ. Организація церкви, чуждая принудительности, съ его точки зрѣнія была слабостью, недостаткомъ. Не понявши силы церкви, Юстиніанъ захотѣлъ укрѣпить ее посредствомъ преобразования по образцу государства, захотѣлъ сдѣлать ее правовымъ учрежденіемъ. Способъ къ этому—

вести церковь въ государство, какъ часть его. Становясь частью государства, церковь получаетъ въ своемъ устройствѣ ту устойчивость и твердость своихъ вѣлѣній, какая и требовалась. Введеніе церкви въ составъ государства вызывалось, по мнѣнію Юстиніана, и самимъ понятіемъ о государствѣ. Государство — общее, церковь — часть. Выполняя только частную жизнь, она и является только частью государства, руководится государствомъ; ея жизненный порядокъ поглощается общимъ жизненнымъ строемъ. А этотъ послѣдній регулируется властью императорской, которая осуществляетъ и порядокъ церкви. Отсюда церковь получаетъ отъ государства и средства, чрезъ которыя она должна дѣйствовать, въ формѣ гражданского законодательства. Цѣли церкви, конечно, весьма высоки, но государство, сдѣлавшееся христіанскимъ, можетъ принять эти цѣли для себя, совмѣстить съ своими, дать дѣйствительныя средства къ осуществленію этихъ цѣлей. Такое пониманіе создало догматы, выраженный въ новеллахъ VII и СХХХIII. Церковь и государство не отличаются другъ отъ друга существенно. Церковь также не можетъ существовать безъ государства, какъ и государство безъ церкви. Оба божественнаго происхожденія—они равно цѣнны и равно необходимы не только въ порядкѣ здѣшняго міра, но и съ точки зрѣнія вѣчности. Но въ такой постановкѣ дѣла скрыта колоссальная ошибка. Государство, отчасти понявши и принявши церковный принципъ, усвоивши частицу христіанства, признало свое пониманіе полнымъ и совершеннымъ, рѣшило, что оно, государство, приняло христіанство во всемъ составѣ и такъ, какъ оно хранится церковью, и, принявши ея законъ въ свои своды, ея іерархію въ ряды своихъ магистратовъ, можетъ стать на мѣсто церкви. Однако, въ дѣйствительности этого не было. Юстиніановское государство было далеко отъ того, чтобы перевоплотиться въ церковь. Отсюда регламентация Юстиніана въ области церковной жизни шла въ разрѣзъ съ основнымъ принципомъ церкви. Его вѣроисповѣдныя указы издавались далеко не въ интересахъ только государственныхъ, а изъ ложнаго сознанія императоромъ своего права и обязанности руководить въ религіозномъ отношеніи даже епископовъ. Юстиніанъ вѣрилъ, что мудростью и религіей онъ превзошелъ всѣхъ своихъ предшественниковъ, что каеволическая вѣра стояла только въ немъ и даже для него и что онъ владетъ правомъ разъяснять вѣру, предлагать это объясненіе какъ догматъ, истолкованный святой властью императора. Новая система должна была вызвать большія осложненія и въ области каноники. Она задерживала движеніе канона, грозила ему порчей и нарушала его церковную природу. Система Юстиніана, если бы была проведена послѣдовательно, привела бы къ слѣдующему. Церковь обратилась бы въ одно изъ правительственныхъ вѣдомствъ, церковное право опять заняло бы въ государственномъ правѣ свой скромный уголокъ, какъ *ius sacrum*, императоръ занялъ бы мѣсто *pontifex'a*, епископы стали бы понтификальной коллегіей, т. е. магистратомъ, и вообще церковь оказалась бы на службѣ го-

сударства. Однако этого не случилось и не могло случиться. Юстиниановская система была анахронизмомъ. Юстинианъ въ данномъ случаѣ былъ рабомъ давно отжившей буквы. Онъ пытался вызвать къ жизни институцію Гая во всѣхъ частяхъ, между прочимъ и въ теоріи отношеній церкви къ государству. Онъ собственно думалъ воскресить только формулу, однако вмѣстѣ съ формулой воскресъ и духъ. Регламентируя языкомъ Гая положеніе церковныхъ имуществъ, суда и т. д., Юстинианъ внесъ и старыя правовыя понятія и, незамѣтно подчиняясь буквѣ, создалъ свою систему. Но эта система была осуждена временемъ и, по смерти виновника, уступила мѣсто другой, противоположной. Преемники Юстиниана поняли, что кесарево должно преклоняться предъ Божиимъ. И вотъ, на мѣсто его системы встала новая, которую авторъ называетъ системой оперковленного государства.

Съ точки зрѣнія законодательныхъ памятниковъ VIII—XV вѣковъ самое опредѣленіе государства совершенно не похоже на то, какое даетъ Гай и Юстинианъ. По новому воззрѣнію, государство входитъ въ истину своего понятія, по мѣрѣ отреченія отъ чисто формальнаго начала права въ сторону тѣхъ принциповъ, носительницей которыхъ въ ихъ полнотѣ является церковь. Превосходную формулу новаго взгляда можно находить у выученика Византіи царя Ивана IV Грознаго. «Земля правится, пишетъ русскій царь, Божиимъ милосердіемъ и Пречистыя Богородицы милостію и всѣхъ святыхъ молитвами и родителей нашихъ благословеніемъ—и послѣдними государями своими, а не судьями и воеводами и еже ипаты и стратиги». Но такая же формула часто встрѣчается и въ византійскихъ источникахъ. Такъ, Георгій Писидійскій описываетъ персидскую экспедицію Ираклія, *ὡς ἐὐκρατοῦσα σὺν θεῷ μοναρχία*. Такова монархія теократическая. Царь дѣйствуетъ и долженъ дѣйствовать только подъ Божиимъ вдохновеніемъ. «Законъ и воля Божія, пишетъ Георгій, должны управлять царствомъ. Вѣдь что такое царь? — Не есть ли онъ только намѣстникъ Божій, оруженосецъ и второй послѣ Бога вождь народа (*ὑποστρατηγός*)»? Царь, по Георгію, получилъ свою власть по полномочію отъ Бога, а рядомъ съ царемъ патріархъ. Эти слова достаточно рѣшаютъ вопросъ о сущности византійскихъ монархій и о канонѣ въ его отношеніи къ закону. Въ государствѣ, управляемомъ *σὺν θεῷ*, гдѣ императоръ делегатъ Божій, государственннй принципъ не можетъ стоять надъ церковнымъ, церковь должна быть впереди государства, а слѣдовательно и канонъ впереди закона. Государство обязано относиться къ канону, какъ выраженію высшей воли, и Византія, дѣйствительно, была оперковленнымъ государствомъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ факты изъ исторіи византійской культуры и права. Такъ, для скрѣпленія договора гражданскаго характера призывается Богоматерь, Покровительница правыхъ, на стр. 27 втораго тома *Acta Patriarch. Const.* Миклошича и Мюллера помѣщенъ синодальный актъ, утверждающій политическое соглашеніе между Іоанномъ Палеологомъ и Кантакузиномъ, Алексѣй Комнинъ издалъ новеллу о бра-

какъ рабовъ съ указаніемъ, что рабъ занимаетъ въ церкви мѣсто не ниже господина, въ Византіи существовало право церковнаго убѣжища, созданъ институтъ «вселенскихъ судей» — священниковъ и т. д. Такимъ образомъ, правовая жизнь Византіи была глубоко проникнута церковной идеей, которая была однимъ изъ основныхъ камней и культуры и міровоззрѣнія славянъ. Въ созданіи своеобразной церковно-государственной системы и заключается крупная историческая заслуга Византіи.

Отмѣченная статья іеромонаха Михаила представляетъ рѣчь, произнесенную предъ защитой диссертациі: «Законодательство римско-византійскихъ императоровъ о внѣшнихъ правахъ и преимуществахъ церкви» (Казань 1901).

Петръ Сладнопѣвцевъ, *Древнія сирійскія обители и прославившіе ихъ святые подвижники*. Выпуски 1 и 2. С.-Петербургъ. 1902. Стр. 222+160.— Въ книгахъ содержится популярное описаніе сирійскихъ монастырей и подвиговъ жившихъ въ нихъ аскетовъ. Сначала предложенъ общій очеркъ подвижничества въ Сиріи и Месопотаміи, а затѣмъ идетъ рѣчь о монастыряхъ по мѣсту ихъ основанія, въ такомъ порядкѣ: Финикія первая или Приморская (Синдскій монастырь), Финикія вторая или Ливанская (монастырь преподобнаго Маркелла, киновія Югитская), вторая Сирія (Апамейская киновія, Ницертскіе монастыри, обитель Силевковильская, подвижники въ Комагенѣ и Селевкидѣ), первая Сирія (монастыри въ окрестностяхъ Антиохіи, Аманскіе монастыри, киновія Маратонъ, Гиндорская лавра, Мандра и Дивная гора, подвижники антиохійскіе и верейскіе, монастыри Корифскій или Теледскій и Евсевона, подвижники талкидскаго округа), Евфрахская Сирія (монастыри и подвижники въ Иераполѣ, Зевгмѣ и Кирѣ, киновія преподобнаго Публія).

Рецензіи появились на слѣдующія книги:

А. П. Лебедевъ, Историческіе очерки состоянія византійско-восточной церкви отъ конца XI до половины XV вѣка. Изданіе второе. Москва. 1902. Рецензіи въ Церковномъ Вѣстникѣ, 1902, № 30, стр. 942; въ Историческомъ Вѣстникѣ, 1902, июль, стр. 257—261. См. Виз. Врем. IX, стр. 216 сл.

А. П. Лебедевъ, Церковный чтецъ въ глубокой древности. Москва. 1901. Рецензіи: въ Церковномъ Вѣстникѣ, 1902, № 30, стр. 944—945.

Б. А. Тураевъ, Исслѣдованія въ области агіологическихъ источниковъ исторіи Эііопіи. С.-Петербургъ. 1902. Рецензія г. **И. Т.** въ Церковномъ Вѣстникѣ, 1902, № 34, стр. 1075—1076.

Г. А. Ильинскій, Грамота царя Іоанна Асѣнія II. Отдѣльный оттискъ изъ «Извѣстій Русскаго Археологическаго Института» въ Константинополѣ. Софія. 1901. Рецензія г. **Н. Ястребова** въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1902, июнь, стр. 401—405. См. выше стр. 552.

Werke des Patriarchen von Bulgarien Eutymius (1375—1395), nach den besten Handschriften herausgegeben von **Emil Kalužniacki**. Wien. 1901.— Aus der panegyrischen Litteratur der Südslaven, von **E. Kalužniacki**. Wien.

1901. Рецензія **Х. М. Лопарева** въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1902, іюль, стр. 187—200.

Н. П. Кондаковъ, Памятники христіанскаго искусства на Афонѣ. Изданіе Императорской Академіи Наукъ. С.-Петербургъ. 1902. Рецензія г. **Е. Рѣдина** тамъ же, стр. 216—229.

Древности. Труды Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, изданныя подъ редакціей В. К. Трутовскаго. Томъ XIX. Москва. 1901—1902. Рецензія г. **Л. М.** въ Историческомъ Вѣстникѣ, 1902, іюль, стр. 280—282.

Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племень Кавказа. Изданіе управленія Кавказскаго учебнаго округа. Выпускъ XIX, Тифлисъ. 1901. Рецензія г. **В. Р.** въ Историческомъ Вѣстникѣ, 1902, сентябрь, стр. 997—999.

Н. Суворовъ, Византійскій папа. Изъ исторіи церковно-государственныхъ отношеній въ Византіи. Москва. 1902. Рецензія **А. А. Васильева** въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1902, сентябрь, стр. 220—227.

А. С. Павловъ, Курсъ церковнаго права. Посмертное изданіе подъ редакціей И. М. Громогласова. Сергіевъ Посадъ. 1902. Рецензія въ Историческомъ Вѣстникѣ, 1902, ноябрь, стр. 740—743.

Извѣстія Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ. Томъ VII. Выпуски 1—3. Софія. 1902. Рецензія тамъ же, стр. 748—750. См. выше стр. 550 сл.

Извѣстія Императорской Археологической Коммиссіи. Выпуски 1 и 2 съ прибавленіями. С.-Петербургъ. 1901—1902. Рецензія г. **В. Рудакова** въ Историческомъ Вѣстникѣ, 1902, ноябрь, стр. 754—756.

С. А. Терновскій, Очерки изъ церковно-исторической географіи. Области восточныхъ патріарховъ православной церкви до IX вѣка. Казань. 1899. Рецензія профессора **П. А. Юнгера** въ Православномъ Собесѣдникѣ, 1902, сентябрь, приложение четвертое, стр. 1—4.

А. И. Алмазовъ. Тайная исповѣдь православной восточной церкви. Опытъ внѣшней исторіи. Томъ I. Общій уставъ совершенія исповѣди. Томъ II. Специальные уставы, отдѣльныя молитвословія и церковно-гражданскія постановленія, относящіяся къ исповѣди. Томъ III. Приложенія. Одесса. 1894. Рецензія профессора **Н. Заозерскаго** въ Христіанскомъ Читеніи, 1902, февраль, стр. 293—306. См. Виз. Врем. IV (1897), стр. 256, 674 сл., 692.

А. А. Дмитріевскій, Описаніе литургическихъ рукописей, хранящихся въ бібліотекахъ православнаго востока. Томъ II. *Εὐχολόγια*. Кіевъ. 1901. Рецензія въ Христіанскомъ Читеніи, 1902, ноябрь, стр. 747—752. См. Виз. Врем. VIII (1901), стр. 592 сл.

Fr. Westberg, Die Fragmente des Toparcha Gothicus aus dem X Jahrhundert. St.-Petersburg. 1901. Рецензія проф. **Ю. Кулаковскаго** въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1902, апрѣль, стр. 449—459.

Fr. Harrison, Byzantine history in the early middle ages (The rede lecture

delivered in the Senate House, Cambridge). London. 1900. Рецензія проф. А. Спаснаго въ Богословскомъ Вѣстникѣ, 1900, апрѣль, стр. 808—836. См. Виз. Врем. VIII (1901), стр. 264 сл.

И. Соколовъ.

ГЕРМАНИЯ.

„Byzantinische Zeitschrift“ herausgeg. von K. Krumbacher, Band XI, Heft 3—4.

Въ первомъ отдѣлѣ (стр. 303—523) помѣщены слѣдующія статьи на нѣмецкомъ языкѣ:

K. Zimmert, *Der Friede zu Adrianopel* (Februar 1190), стр. 303—320).— Ставится вопросъ: въ какой мѣрѣ отвѣчаютъ подлинному тексту договора императора Фридриха I и Исаака Ангела три имѣющіяся изложенія его: Ансберта (А), Hist. Peregrinorum (НР) и письма Bruxell. II 1403 (ер. Н). А даетъ текстъ почти буквально («et quod» въ началѣ статей; будущее время во всѣхъ пунктахъ договора, кромѣ трехъ, выполненныхъ до его ратификаціи 14 февр. 1190 г.). Во второй статьѣ по А Исаакъ ставитъ Фридриху всего 235 судовъ (70 usceria, 150 naves, 15 galeae) для переправы войскъ въ Азію и ихъ защиты; по ер. Н, подтверждаемой косвенно другими источниками, онъ обязался дать 700, но далъ отъ себя еще 300. Здѣсь повидимому въ Питеровскомъ спискѣ А, которыми пользовались издатели, или выпала цифра или слово пятьсотъ — число судовъ, назначенныхъ собственно для войскъ, а 235 назначалось для лошадей; или вмѣсто septuaginta (usceria) надо читать septingenta (по Никитѣ Акоминату поставлены были преимущественно грузовыя суда). Ер. Н. сообщаетъ еще о 100 судахъ, которые должны были по желанію Фридриха итти въ Сицилію; но это не пунктъ договора, а скорѣе желаніе Исаака и слухъ, ходившій въ византійскомъ обществѣ. 6-й пунктъ, о заложникахъ Исаака, сообщается всѣми тремя версиями съ нѣкоторыми разногласіями о числѣ и состояніи ихъ, которыя объясняются тѣмъ, что ер. Н. даетъ первоначальныя требованія Фридриха, а А и НР — окончательное соглашеніе. Подобнымъ образомъ и пункты 9 и 10 (о курсѣ денегъ и фиксаціи рыночныхъ цѣнъ для крестоносныхъ войскъ) передаются въ ер. Н. въ первоначальномъ, въ А въ окончательномъ видѣ. Въ заключеніе дается обзоръ всего хода дѣлъ по договору отъ декабря 1189 до 1 марта 1190 года.

E. Gerland, *Noch einmal der litterarische Nachlass Carl Hopfs* (стр. 321—332).— Здѣсь дается ключъ, какъ пользоваться регестами Гопфа въ томъ ихъ новомъ порядкѣ, въ которомъ онѣ сданы авторомъ статьи въ берлинскую королевскую бібліотеку, т. е. опись регестъ по ящикамъ и футлярамъ, съ указаніемъ числа №№, источниковъ, откуда что взято Гопфомъ, и хронологическаго періода для каждой отдѣльной партіи регестъ.